

Романтическая драма в семье Поттеров продолжается, но на этот раз в центре внимания оказывается не Гарри Поттер, чья любовь Гермiona Грейнджер продолжает играть с его эмоциями, одновременно увлекаясь знаменитым игроком в квиддич Виктором Кrumом. Вместо этого Лорена Поттер попала в собственный романтический клубок.

Младшая Поттер была замечена на Йольском балу под руку со студентом Дурмстранга Ильей Димитровым, который проживает в замке Хогвартс на время Тривизардного турнира. Многие источники в замке сообщают, что видели Поттера и Димитрова уютно устроившимися в библиотеке или сидящими вместе на улице. "Это мило", - сказал один анонимный источник. "Поттер обычно такая суровая, но с Ильей она стала немного лучше".

По всем правилам, Йольский бал должен был стать светлым и романтическим вечером для юной Поттер и ее нового кавалера. Она даже попробовала суп своего кавалера перед началом танцев (см. фото выше). Они танцевали вместе, и источники сообщают, что пара выглядела довольной. Но, как ни странно, всего через час танцев Поттер была замечена без Димитрова рядом с ней. Возможно, это результат любовной размолвки? Ссора, которая разлучила счастливую пару?

На сцену вышел не кто иной, как Драко Малфой, однокурсник по Слизерину в Хогвартсе и наследник престижной фамилии Малфой. Отказавшись от своего свидания, Малфой танцевал в тесном кругу с мисс Поттер, которая, казалось, получала от этого удовольствие. (Но ситуация быстро изменилась, и когда появился Димитров, парни чуть не подрались).

Не нужно далеко ходить, чтобы найти причину их разногласий - мисс Лорену Поттер. Вскоре после этого она нанесла мистеру Малфой физический удар и ушла со своим болгарским кавалером. Что же такого мог сделать мистер Малфой, чтобы так разозлить пару? Может быть, заигрывал с мисс Поттер? Признаться в своих глубоких чувствах к ней и получить отказ?

Несколько студентов в замке считают, что это возможно. Один из них сказал следующее: "Поттер и Малфой с первого дня вцепились друг другу в глотку, но раньше они были хотя бы вежливы. Я помню, как они играли в шахматы по вечерам, но потом что-то случилось, и они словно объявили друг другу войну. Единственное время, когда они ведут себя вежливо, - это поле для квиддича. Было бы здорово увидеть, как они все уладят".

Другим такая перспектива казалась совершенно невозможной. "Поттер - предатель крови, а Малфой - практически королевская семья. Он ни за что не опустится до того, чтобы встречаться с такой мерзостью, как Поттер".

Что же ждет Лорену Поттер в будущем? Станет ли она рядом со своим новым парнем или вернется в объятия своего бывшего партнера по шахматам? Только время покажет, и некоторые должны задаться вопросом, о чем думают оба парня, преследуя такую ведьму, как Лорена Поттер, известную практикующую Парселтанг и Темные искусства.

Думаю, в этот раз меня больше всего взбесили фотографии. Я понятия не имел, как, черт возьми, Скитер их раздобыл, но на первой были изображены мы с Ильей, сидящие за столом судьи. Он склонился над нами с ложкой для супа. Я была повернута к нему, мой рот

обхватывал ложку, на губах играла слабая улыбка. Моя фотография отпрянула назад и сглотнула, затем сморщила нос и мило покачала головой. Мы выглядели - другого слова не подберешь - восхитительно. Как новая пара, находящаяся на стадии зарождения отношений.

Малфой был просто чудом, пойманный в самый подходящий момент, чтобы поддержать рассказ Скитер. В любое другое время кто-то из нас бы усмехнулся или нахмурился. Но вместо этого мы танцевали вокруг. Моя ухмылка только начиналась и была похожа на маленькую улыбку. Ухмылка Малфоя только угасала, и он выглядел гораздо мягче, чем обычно, когда ухмылялся в полную силу.

Я с отвращением отбросила газету в сторону. "Меня сейчас стошнит", - коротко сказала я.

К счастью, Малфоя не было за завтраком, иначе могла бы возникнуть драка. Я бы с радостью отдубасил этого ублюдка за то, что он дал Рите Скитер повод использовать меня для своих историй. И не только она, но и тот, кто проболтался о том, как я играл в шахматы с Малфоем на первом курсе, создавая впечатление, что мы были лучшими друзьями, заплетая друг другу волосы. С первого курса я не подходила к шахматам и Малфоем одновременно.

"Все в порядке", - поддержал меня Илья, протягивая руку через стол и кладя ее на мою в знакомом жесте. "Это все мусор".

"Да, но Паркинсон будет кошмаром", - хмыкнул я.

Мое предсказание оказалось верным. Ей потребовалось время до самого обеда, чтобы выследить меня в районе, где не было свидетелей, но ей удалось загнать меня в угол в коридоре четвертого этажа.

"Что, по-вашему, вы делаете, Поттер?" прошипела Паркинсон. "Броситься на моего Драко в таком виде?"

Я насмехался. "Я не бросаюсь на людей, Паркинсон, я не ты".

Она усмехнулась. "Ты думаешь, что ты такой идеальный, не так ли? Замечательный Поттер, любимец Снейпа, игрок в квиддич, чемпион? Ты же знаешь, что большинство из нас тебя терпеть не может, верно?"

"Чувства взаимны", - мгновенно ответил я.

"Будь осторожна, - предупредила Паркинсон. "Мы с Драко обручены с самого рождения - если ты еще хоть раз заиграешь с ним, я тебя прикончу. Ты понимаешь?"

"Я понимаю, что Малфой, возможно, самый невезучий ублюдок на свете", - усмехнувшись,

ответил я.

"Думаешь, ты лучше меня?" Паркинсон рассмеялась. "Ты, предатель крови? У тебя может быть имя и деньги чистокровного, но ты не лучше грязнокровки. Драко никогда бы не опозорил себя и свою фамилию, прикоснувшись к тебе".

"Я бы предпочла, чтобы он этого не делал", - беспечно ответила я, а затем добавила: "Следи за своим языком".

"Видишь?" усмехнулся Паркинсон. "Ты защищаешь грязь - это не делает тебя лучше. Ты ничтожество, ты мусор, ты просто какая-то стервозная сиротка, по родителям которой никто не скучает и до которой никому нет дела".

Я сузила глаза. Про сиротские комментарии я не возражала - это был простой факт. Но сейчас Паркинсон напрямую говорила о моих родителях. Она переходила черту, впутывая в это Джеймса и Лили Поттер. Мои родители были героями - такая, как Паркинсон, не заслуживала даже знать их имена.

"Осторожно, Паркинсон", - предупредил я, сохраняя низкий и угрожающий голос, когда рукав сместился, и палочка упала мне в руку. Я спрятал ее в складках мантии. "Будь очень осторожен."

"Что, больно, когда тебе напоминают о твоей помойной матери?" спросила Паркинсон, сверкая глазами от триумфа, который она испытала на себе. "Ты пытаешься сделать то же, что и она, - вылезти из грязи, выйдя замуж? Неплохой план, конечно, но ты слишком далеко зашла, если думаешь, что Драко когда-нибудь захочет тебя. Поттеры могли быть предателями крови, но, по крайней мере, они были чисты. Потом появилась твоя мать. Теперь они - грязь. Ты - грязь, грязь под ботинками таких людей, как я и Драко, как и твоя мать..."

Я не использовал свою палочку. По крайней мере, не сразу. Я бросился на Паркинсон. Она выхватила палочку, но я схватил ее за запястье. Она превосходила меня в росте, но мне удалось прижать ее к стене: ее запястье было в моей руке, а мое предплечье прижимало ее горло к камню. Глаза Паркинсон расширились от шока и ярости.

"Как ты смеешь..."

"Силенсио".

Моя палочка была между нами в свободной руке, кончик был направлен на Паркинсон. Она слегка зажмурилась, пытаясь разглядеть ее, и яростно зашипела на меня.

"Закрой свой рот, он тебе не поможет", - огрызнулся я. Паркинсон не закрыла рот, но в недоумении опустила его, что было достаточно хорошо. "Если ты еще хоть раз упомянешь мою мать или отца, то испытаешь боль, подобной которой никогда не испытывала".

Глаза Паркинсон недоверчиво блеснули, и она уверенно ухмыльнулась. Она не думала, что я сделаю это.

"Вы скептик", - признал я. "Но подумайте вот о чем: истории Риты Скитер, изображающие меня как Темную ведьму... Это чушь, но не совсем. Потому что я испытывала ярость и ненависть, необходимые для наложения Непростительного. Более того, я даже подумывала об их использовании". Воспоминания о Петтигрю, хнычущем в Визжащей хижине, промелькнули у меня перед глазами. "Какая у тебя защита? Имя? Оно ничего для меня не значит. Твоя палочка? Мы с тобой оба знаем, что я лучший дуэлянт. Сила? Я сильнее тебя магически.

"Так что подумай об этом в следующий раз, когда попытаешься сказать хоть слово против моих родителей. Меня буквально ничто не остановит от того, чтобы причинить тебе боль. Я не мой брат, я не такой всепрощающий, как он. Я буду разрывать тебя на части и улыбаться, пока делаю это, потому что мы оба знаем, что ты не сможешь сделать ничего, что остановило бы меня".

Глаза Паркинсон расширились от страха. Я была потрясена собой. Маска, которую я носил годами, вдруг стала казаться мне удушающей. Я слишком погрузился в игру, увлекся представлением и не понимал, насколько душно под фасадом и светом сцены.

Я отступил назад, отпустив Паркинсона, который все еще смотрел на меня в страхе.

"Я не мой брат", - повторил я, и тут меня осенило, что в данном случае это не то, чем я должен гордиться. "Я ненавижу тебя, Паркинсон, правда ненавижу. И мораль меня не остановит, если ты заведешь меня слишком далеко. Так что в следующий раз, когда захочешь сказать что-то о моих родителях, вспомни этот момент. Фините Инкантатем".

Взмахом палочки я снял заглушающее заклинание, развернулся и пошел прочь, голова шла кругом.

Откуда это взялось? Та горькая, гневная часть меня, которую я всегда держал в тайне, подняла голову и дала о себе знать. Она бросилась мне в лицо и не позволила больше отрицать это. Она оказалась сильнее, чем я думал, пугающе сильнее.

Даже сейчас я чувствовал, что хочу улыбнуться, хочу насладиться страхом на лице Паркинсон, как она наслаждалась гневом и болью на моем лице столько лет, как Дадли наслаждался болью, написанной в моих глазах. Мне было противно, но желание не покидало. Я чувствовала себя разорванной на две части.

Часть меня хотела кричать и отрицать эту часть себя, хотя в глубине души я знала, что это такая же часть меня, как и мои рыжие волосы или зеленые глаза. Я хотел быть сияющим золотым ребенком, каким был Гарри, маяком нравственности, тем, кто нравится людям и за кем они идут.

Другая часть хотела полностью погрузиться в это, носить гнев как броню, а ненависть - как щит, и осмеливаться, чтобы кто-нибудь попытался пробить его. Я мог ненавидеть, как никто другой, ярость, как никто другой, кого я знал.

Я ворвался в ванную и влетел в кабинку, не потрудившись закрыть ее за собой, прежде чем рухнуть рядом с унитазом, вцепившись в сиденье. Содержимое моего желудка поднялось вверх. Я почувствовал вкус желчи, когда меня вырвало, и слезы слегка затуманили мои глаза, когда я задался вопросом, как я дошел до этого. Как я не заметил, сколько гнева было во мне?

Как я позволил ему стать такой частью моей сущности?

На территории все еще лежал снег, а окна оранжереи были покрыты конденсатом, настолько густым, что на Гербологии из них ничего не было видно. В такую погоду даже мне не очень хотелось идти на Уход за магическими существами. Однако когда мы добрались до домика Хагрида, то обнаружили, что перед его входной дверью стоит пожилая ведьма с аккуратно подстриженными седыми волосами и очень выдающимся подбородком.

"Поторопитесь, колокол прозвенел пять минут назад", - рявкнула она на них, пока я пробирался к ней по снегу, а Рон, Гермиона и Гарри шли позади меня. Не знаю, чем они занимались, но я пропустил завтрак, чтобы провести некоторое время в библиотеке, освежая в памяти семена огня. За обедом я получил бы немного добавки или что-то в этом роде, чтобы компенсировать это.

"Кто ты?" - спросил Рон, пристально глядя на нее. Это был и мой вопрос.

"Где Хагрид?" резко спросил я.

"Меня зовут профессор Граббли-Планк", - бодро ответила она. "Я ваш временный преподаватель по Уходу за магическими существами".

"Где Хагрид?" громко спросил Гарри.

"Он нездоров", - резко ответила профессор Граббли-Планк.

До моих ушей донесся тихий и неприятный смех. Драко Малfoy и остальные мои однокурсники присоединились к классу. Все они выглядели ликующими, и никто из них не удивился, увидев профессора Граббли-Планк.

Вот почему я не должен пропускать приемы пищи. Я все пропустил.

"Сюда, пожалуйста, - сказала профессор Граббли-Планк и пошла в сторону загона, где дрожали боксбатонские лошади. Мы последовали за ней. Я не мог не оглянуться через плечо на хижину Хагрида. Все занавески были закрыты. Я подумал, не сварить ли ему куриный суп и не послать ли его вниз. Может, у него плохое самочувствие?

"Что с Хагридом?" спросил Гарри, спеша догнать профессора Граббли-Планк.

"Не бери в голову", - ответила она, словно считая его любопытным. Так оно и было. Я это полностью поддерживаю.

"А вот я против", - горячо возразил Гарри. "Что с ним?"

"Тише", - сказал я себе под нос, но я знал, что даже если бы я крикнул ему это в лицо, это бы не помогло.

Профессор Граббли-Планк сделала вид, будто не слышит его. Она провела нас мимо загона, где стояли огромные боксбатонские лошади, ежась от холода, и направилась к дереву на краю леса, где был привязан большой и красивый единорог.

Даже я была впечатлена. Единорог был таким ярко-белым, что снег вокруг казался серым. Он нервно стучал по земле своими золотистыми копытами и откидывал назад рогатую голову.

"Какой красивый!" - прошептала Лаванда Браун. "Как ей это удалось? Их ведь очень трудно поймать!"

"Мальчики, не подходите!" - рявкнул профессор Груббли-Планк, выкидывая руку и сильно ударяя Гарри в грудь. "Они предпочитают женские прикосновения, единороги. Девочки - вперед, и подходите осторожно, давайте, это легко..."

Она и девочки медленно пошли вперед к единорогу, оставив мальчиков стоять у ограды загона и наблюдать. Как только профессор Граббли-Планк скрылся из виду, Гарри повернулся к Рону.

Я присоединилась к толпе девочек, которые шли вперед вместе с Груббли-Планком. Единорог выглядел немного пугливым при виде нашего приближения. Мне было немного не по себе - я бы тоже занервничала, если бы ко мне с протянутыми руками и жадным блеском на морде подошла такая уродливая тварь, как Паркинсон. Мы обошли вокруг единорога. Многие девочки с нетерпением тянулись к единорогу, ворковали над ним, гладили его плечи и спину. Я держалась ближе к передней части стаи, стоя чуть поодаль.

Единорог смотрел на меня своими жидкими глазами. Сохраняя зрительный контакт, я медленно склонил голову, используя тот же принцип, что и с гиппогрифами. Обычно единороги были послушными и нежными существами, такими, какими их принято считать в легендах. Но в случае угрозы не один единорог был способен растерзать нападавшего рогом или раздробить кости копытами.

Единорог откинул голову назад, и я воспринял это как сигнал к осторожному приближению. Я протянул тыльную сторону руки. Единорог слегка наклонил голову. Его дыхание согревало мою руку, когда он вдыхал мой запах. Осторожно протянув вторую руку, я положил ладони по обе стороны от головы единорога.

Все еще медленно двигаясь, я склонил голову. Мой лоб прижался к лбу единорога. Макушка моей головы коснулась основания его рога. Он был таким теплым, что вернул ощущение в мои озябшие пальцы. Я закрыла глаза на лошадь. Казалось, она смотрит мне в душу; внезапно не только мои пальцы стали теплыми, но и внутренности. Я закрыла глаза и вздохнула от удовольствия: напряжение, которое обычно сковывало мои плечи, ушло из моего тела в землю.

Я слушал, как дышит единорог. Я чувствовал его дыхание на своей груди. Я начал пытаться подражать ему, вдыхая и выдыхая вместе с ним. Я снова открыл глаза и обнаружил, что единорог все еще смотрит на меня, но нервозность исчезла из его глаз. Он выглядел

спокойным... добрым.

"Ты там внимателен?"

донесся до ребят голос профессора Граббли-Планкса. Я мог бы с радостью дать ей пощечину. Мой момент общения с единорогом был прерван. Он слегка отстранил свою голову от моей. Я вздохнул, досадуя, что не могу насладиться этим ощущением подольше. Я уже чувствовал, как беспокойство и нервы снова наваливаются на меня.

Я отстранилась от головы единорога и отошла в сторону, поглаживая его гриву, и оглянулась на мальчиков. Некоторые выглядели ревнивыми, другие - незаинтересованными. Несколько человек рассеянно строчили замечки, а некоторые даже не пытались притвориться, что обращают внимание. Я увидел Гарри, который с головой зарылся в "Ежедневный пророк", а рядом с ним стоял Малфой. Судя по тому, как тряслись руки Гарри, я сильно сомневался, что Малфой показывал ему объявления.

Я перевела взгляд на Малфоя, который старательно избегал меня с самого бала. Похоже, он был еще больше напуган слухами о том, что он признался в своей неразделенной любви, чем я, а это о чем-то да говорит. Это был приятный перерыв, когда не приходилось иметь дело с ним и его языком, но у меня было странное ощущение, что я не успеваю огрызаться на него и получать ответ.

В этот момент на его лице появилось странное выражение. Он просто смотрел на меня, его щеки порозовели - предположительно от холода. Его челюсть отвисла, и он смотрел на меня так, будто никогда раньше не видел. Я нахмурилась и сделала грубый жест, наблюдая, как он выходит из ступора и поворачивается, чтобы ухмыльнуться Гарри.

Несколько девушек увидели, что я сделал. Они попытались прижаться лбами к единорогу, но тот продолжал откидывать голову. Я ухмыльнулся, когда Парвати Патил чуть не лишилась глаза при этой попытке. Видимо, только мне она позволила это сделать, и я увидел, как несколько девушек, которым это не удалось, завистливо на меня смотрят.

"Что он тебе показал?" спросила я Гарри, когда мы шли обратно к замку. Я пробралась в ряды гриффиндорцев не только для того, чтобы расспросить Гарри о "Ежедневном пророке", но и для того, чтобы попытаться использовать некоторых из них в качестве ветрозащиты.

Гарри молча полез в сумку и вытащил "Ежедневный пророк". Он сердито ткнул его в меня. Я увидел фотографию Хагрида вверху и поморщился. Судя по всему, он не болел, а был смущен или пристыжен. Я взглянул на заголовок. Рита Скитер. Конечно.

Альбус Дамблдор, эксцентричный директор школы чародейства и волшебства Хогвартс, никогда не боялся делать неоднозначные кадровые назначения, пишет Рита Скитер, специальный корреспондент. В сентябре этого года он нанял Аластора "Бешеного глаза" Муди, печально известного сглазливому бывшего аврора, для преподавания Защиты от темных искусств. Это решение вызвало много споров в Министерстве магии, учитывая известную привычку Муди нападать на любого, кто сделает резкое движение в его присутствии. Однако Бешеный Глаз Муди выглядит ответственным и добродушным, если поставить его рядом с человеком, которого Дамблдор нанимает для преподавания Ухода за магическими существами.

Рубеус Хагрид, который признается, что был исключен из Хогвартса на третьем курсе, с тех пор занимает должность егеря в школе, которую ему обеспечил Дамблдор. Однако в прошлом году Хагрид, используя свое таинственное влияние на директора, получил дополнительную должность преподавателя по уходу за магическими существами, обойдя многих кандидатов с более высокой квалификацией.

Хагрид, огромный и свирепый на вид человек, использует свои новые полномочия, чтобы напугать учеников, находящихся под его опекой, чередой ужасных существ. Пока Дамблдор закрывает на это глаза, Хагрид покалечил нескольких учеников во время серии уроков, которые, по признанию многих, были "очень страшными".

"На меня напал гиппогриф, а моего друга Винсента Крэбба сильно укусил флоббер-червь", - рассказывает Драко Малfoy, студент четвертого курса. "Мы все ненавидим Хагрида, но просто боимся что-то сказать".

<http://tl.rulate.ru/book/48340/3525000>